

ДВА ВЕКТОРА ТРАНСФОРМАЦИИ НАУЧНОГО АТЕИЗМА

В ЕГО ОТНОШЕНИИ К РУССКОМУ ПРАВОСЛАВИЮ
В КОНЦЕ 1980-х ГОДОВ

Священник Роман Савчук
(Руслан Александрович Савчук)

кандидат богословия
научный рецензент Издательского совета Русской
Православной Церкви
старший преподаватель Калужской духовной семинарии
докторант ОЦАД
119435, г. Москва, ул. Погодинская, д. 20/3, стр. 2
russ_sav@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9917-2413>

Для цитирования: *Савчук Р., свящ.* Два вектора трансформации научного атеизма в его отношении к русскому православию в конце 1980-х годов // Богословский вестник. 2026. № 2 (61). С. 301–315. DOI: 10.31802/GB.2026.61.2.016

Аннотация

УДК 27-662.3 (2-67)

Статья посвящена анализу архивных материалов и публикаций, в которых отражается сложная картина трансформации идеологии научного атеизма на исходе Советской эпохи. Эти процессы были связаны с возвращением в публичное пространство позднесоветского общества Русской Православной Церкви как значимого фактора общественного развития. В историографии закрепилось мнение об уходе научного атеизма с исторической арены в связи с крахом идеологической системы СССР. Однако обращение к источникам показывает, что идеологи научного атеизма активно рефлексировали по поводу изменения условий публичного дискурса о религии. В результате

в рамках научного атеизма было сформулировано два подхода в отношении к русскому православию. Первый реализовывался идеологами-теоретиками в контексте концепта под названием «научное мировоззрение». Его суть заключалась в признании значимости православия как фактора общественного развития и рецепции его смыслов и идей в редуцированном виде в качестве элемента секулярной гуманистической идеологии. Второй подход предполагал взаимодействие с церковным сообществом в рамках научно-атеистической парадигмы, отсекающей трансцендентное содержание вероучения и сосредотачивающейся на культурно-этических смыслах.

Ключевые слова: русское православие, научный атеизм, перестройка, секуляризация, идеология, атеизация, научное мировоззрение.

Статья поступила в редакцию 17.1.2026; одобрена после рецензирования 14.2.2026

Two Vectors of Scientific Atheism's Transformation in Its Relation to Russian Orthodoxy in the Late 1980s

Priest Roman Savchuk (Ruslan A. Savchuk)

PhD in Theology

Academic Reviewer at the Publishing Council of the Russian Orthodox Church

Senior Lecturer at the Kaluga Theological Seminary

Doctoral Student at the Saints Cyril and Methodius Institute for Post-Graduate Studies

20/3 Pogodinskaya St., bld. 2, Moscow, 119435, Russia

russ_sav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9917-2413>

For citation: Savchuk, Roman, priest. "Two Vectors of Scientific Atheism's Transformation in Its Relation to Russian Orthodoxy in the Late 1980s". *Theological Herald*, no. 2 (61), 2026, pp. 301–315 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2026.61.2.016

Abstract. The article is devoted to the analysis of archival materials and publications reflecting the complex picture of the transformation of the ideology of scientific atheism at the end of the Soviet era. These processes were associated with the return of the Russian Orthodox Church to the public space of late Soviet society as a significant factor in social development. The opinion about the withdrawal of scientific atheism from the historical arena in

connection with the collapse of the ideological system of the USSR has become entrenched in historiography. However, an appeal to sources shows that the ideologists of scientific atheism actively reflected on the changing conditions of public discourse about religion. As a result, two approaches to Russian Orthodoxy have been formulated within the framework of scientific atheism. The first was implemented by theoretical ideologists in the context of a concept called «scientific worldview». Its essence was the recognition of the importance of Orthodoxy as a factor of social development and the reception of its meanings and ideas in a reduced form as an element of secular humanistic ideology. The second approach involved interaction with the church community within the framework of a scientific atheistic paradigm that cuts off the transcendent content of the faith and focuses on cultural and ethical meanings.

Keywords: Russian Orthodoxy, scientific atheism, perestroika, secularization, ideology, atheization, scientific worldview.

The article was submitted on 1/17/2026; approved after reviewing on 2/14/2026

Постановка вопроса

Одной из основополагающих идей, на которых выстраивалась практика отношения государства к религии в Советском Союзе, было убеждение в том, что религия обречена на отмирание в социалистическом обществе, где нет социальных оснований для её воспроизведения. В период антирелигиозных кампаний Н. С. Хрущёва появился специфический концепт, призванный идейно оформить и обосновать указанное убеждение советских идеологов. Это был «научный атеизм», изначально мыслившийся как важный идеологический инструмент атеизации общества и его окончательного освобождения от религии. Однако к середине 1980-х годов реальность всё более убеждала в ошибочности представлений о скором отмирании религии. В этой ситуации среди советских обществоведов и профессиональных атеистов утверждалась мысль о необходимости существенной корректировки научно-атеистической идеологии.

Историография

В историографии, затрагивавшей проблемы истории научного атеизма на исходе Советской эпохи, укрепилось мнение о том, что собственно научный атеизм как искусственный идеологический феномен и придаток политико-государственной системы СССР уходит в небытие вместе с крахом последней. Так, по мнению Виктории Смолкин, советский атеизм не смог заполнить «пустое место», образовавшееся в результате вытеснения религии из общественного пространства, и был выброшен на задворки истории как «осиротевшее детище утопии»¹. М. Шахнович и Е. Терюкова констатируют, что научный атеизм не состоялся ни как «марксистский атеизм», ни как научно-методологический проект, поскольку «в него вкладывали всё новое и новое содержание», чрезмерно раздувая его пока он не лопнул². О несостоятельности попыток вытеснить христианство с помощью научного атеизма из советского общественного дискурса писали Д. В. Поспеловский³ и П. Фрезе⁴.

1 Смолкин В. Свято место пусто не бывает. История советского атеизма. Москва, 2021. С. 499.

2 Шахнович М. М., Терюкова Е. А. Научный атеизм: от науки к утопии. Санкт-Петербург, 2023. С. 242.

3 Pospelovsky D. V. A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer. Vol. 3. Soviet Studies on the Church and the Believer's Response to Atheism. Basingstoke, 1988. P. 115.

4 Froese P. Forced Secularization in Soviet Russia: Why an Atheistic Monopoly Failed // Journal for the Scientific Study of Religion. 2004. Vol. 43. № 1. P. 35 – 50.

В то же время, хотя убежденность в завершении истории научно-го атеизма на рубеже 1980–1990-х годов практически не оспаривается, ряд исследователей обращают внимание на то, что он оставил неизгладимый отпечаток на практиках рецепции религии в позднесоветском и постсоветском обществах. Указанная идея встречается в работах М. Ю. Смирнова⁵, С. Люрман⁶, М. Пелкманса⁷. О том, что научный атеизм в своих мировоззренческих предпосылках связан не только с идеологическими конструктами советской действительности, но имеет более универсальный характер, писали Е. Степанова⁸ и С. Рагаз⁹.

А. Л. Лукьянов, не касаясь анализа трансформаций собственно идеологии научного атеизма, констатировал, что к 1988 г. произошли существенные изменения в репрезентации религии в специальных периодических изданиях, посвященных атеистической пропаганде¹⁰.

В целом общей проблемой историографии, рассматривающей существование научного атеизма в конце Советской эпохи, можно считать слабое внимание к тем дискуссиям и обсуждениям, поискам новых подходов взаимодействия с православием, которые отражены в различных стенограммах съездов, круглых столов и публикациях в научно-атеистических изданиях периода перестройки. Обращение к указанным источникам позволяет увидеть, насколько сложна картина трансформации идеологии научного атеизма, приспособлявшегося

- 5 Смирнов М.Ю. Религия и религиоведение в России. Санкт-Петербург, 2013. С. 163.
- 6 Luehrmann S. Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. New York (N.Y.), 2015. P. 127.
- 7 Pelkmans M. Introduction: Post-Soviet Space and the Unexpected Turns of Religious Life // Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms and Technologies of Faith in the Former Soviet Union / ed. M. Pelkmans. New York (N.Y.), Oxford, 2009. P. 1–16.
- 8 Степанова Е.А. Советский атеизм в контексте множественной модерности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 67–82.
- 9 Ragaz S. Reading Scientific Atheism Against the Grain: The Soviet Study of Religion as a Methodological Challenge // Method & Theory in the Study of Religion. 2018. Vol. 30. № 2. P. 178–184.
- 10 Лукьянов А.Л. Трансформация дискуссии об изменении антирелигиозной пропаганды в периодических изданиях (1985–1988 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20. № 3. С. 109–113. С. 111: «Изменения в содержание антирелигиозной пропаганды требовалось “закрепить” в специализированном атеистическом журнале. Для этого в 1988 г. в журнале “Наука и религия” публикуется статья «Перестройка и атеизм». Показательно, что <...> там присутствовал[а] выдержка из речи М.С. Горбачёва. Редакционная статья <...> констатировала новую оценку верующих. “Все верующие, <...> не зависимо от того, какую религию они исповедуют, являются полноправными гражданами... сама жизнь, история объединяла верующих и не верующих”».

к условиям возвращения Русской Православной Церкви в публичное пространство позднесоветского общества.

Результаты

Первая тенденция, которая хорошо прослеживается на материалах разного рода дискуссий об эффективности атеистической пропаганды, заключалась в осознании того факта, что религиозное мировоззрение остается значимым конкурентом в борьбе за сознание советских граждан. На круглом столе «Развитие и совершенствование советской обрядности», проходившем 4–5 апреля 1985 г., отмечались сложности с утверждением социалистической обрядности «как антипода религиозной», «особенно в семейно-бытовой сфере»¹¹. Атеистические обряды рассматривались в качестве одной из важнейших форм идеологического сплочения общества¹². При этом признавалось, что Церковь оказалась более эффективной в смысле воздействия на человека посредством обрядовой деятельности¹³. Подобного рода признания значимости религиозного фактора в общественном развитии со стороны теоретиков научного атеизма свидетельствовали о серьёзных изменениях в подходах к оценке роли и места православия в советском государстве.

Подтверждают это и материалы научно-практической конференции «Актуальные вопросы атеистического воспитания в условиях современной идеологической борьбы» (Гродно, 30–31 октября 1985 г.). Заместитель директора Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС Э. Г. Филимонов в своем докладе признавал:

«Одна из реальностей современной эпохи состоит в том, что, вопреки слишком оптимистическим оценкам, процесс преобразования общественного сознания, который связан с освобождением его от церковного и религиозного влияния, не развивается слишком быстро. К сожалению, вот эта истина стала как-то утверждаться в сознании как у нас, так и в других странах, в сознании учёных не так-то чётко, да и не так уж давно»¹⁴.

Кроме признания ошибочным пренебрежения религиозным фактором как якобы отмирающим феноменом, примечательно и другое. Мы видим фактический отказ от убежденности в специфическом характере советской модели секуляризации в пользу согласования динамики

11 ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 3660. Л. 8.

12 Там же. Л. 41.

13 Там же. Л. 76.

14 ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 3663. Л. 11.

и сути секуляризации советского общества с общемировыми тенденциями. Во-первых, это следует из непривычной для советского идеолога апелляции к аналогичному опыту «в других странах», которые, как следует из контекста, не ограничивались социалистическим лагерем, но выражали обращение к общемировому тренду. Во-вторых, сама суть секуляризации определялась исключительно как «освобождение различных сфер жизни социалистического общества и советских людей от влияния религиозного покрова»¹⁵. Это важно в том смысле, что в своей классической форме советская модель секуляризации, в отличие от западной, предполагала кроме отрицательной стороны (освобождение общества от влияния религии) и положительную сторону, а именно утверждение материалистического мировоззрения как антипода религиозного¹⁶. Однако в новых условиях «атеистический градус» положительной стороны советской модели секуляризации стал значительно понижаться, развернувшись к гуманистическому направлению научно-атеистической идеологии. Утверждалось, что восприятие положительной стороны научного атеизма, нацеленной на «атеизацию» советского общества, является целенаправленным искажением со стороны идеологических противников. Сам термин «атеизация» якобы был навязан богословами и клерикалами для компрометирования научного атеизма, поскольку он подразумевает «навязывание атеизма» как государственной идеологии и носит пренебрежительный характер.

«Мы ведь не стремимся к “атеизации” всех и вся, — заявлял один из видных теоретиков научного атеизма Н. С. Онищенко. — Мы стремимся к глубинной своей цели — к утверждению научного мировоззрения и к основанному на этом мировоззрении образу жизни»¹⁷.

В подобных формулировках, очевидно, следует видеть не просто смену идеологической риторики, а более глубокие процессы трансформации научно-атеистической идеологии, отвечающие на изменение условий публичного дискурса и признание значимости религиозного фактора. Если термин «атеизация» предполагал «стерилизацию» общества от религии, то термин «научное мировоззрение» уже не фокусировался на бинарной оппозиции «атеизм-религия». «Научное мировоззрение» предполагало не отрицание религии, а рефлексивное отношение

15 ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 3663. Л. 10.

16 Узланер Д. А. Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 64.

17 ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 3663. Л. 68.

к ней как к объективному фактору общественной жизни, требующему соответствующего осмысления. Естественно, что в рамках материалистической парадигмы, которой неизменно следовал научный атеизм и рожденный в его рамках концепт «научного мировоззрения», речь шла не о признании объективного характера религиозности как таковой, а лишь о признании того, что религия влияет на общество и это влияние должно быть осмыслено и взято под контроль.

Смена парадигмы по отношению к православию реализовывалась через усовершенствование методологии атеистической пропаганды¹⁸ и обновление подходов к его оценке. Последний тезис хорошо иллюстрируют материалы «круглого стола» по проблемам Русской Православной Церкви, проходившего 15–16 декабря 1985 г. в Ярославле. В связи с тем, что идея о «затухании» религиозности всё больше подвергалась критике, обозначилась тенденция воспринимать православие как сложный феномен общественной жизни. Секулярная рефлексия в данном контексте проявлялась посредством редукции православия к собственно религиозной составляющей, по-прежнему мало интересной для научного атеизма, и к светской стороне его существования в обществе, под которой понималась культурно-историческая и общественно-политическая деятельность Церкви и верующих. В научно-атеистической аналитике подчёркивалось, что, в сравнении с католиками и протестантами, православные верующие меньше всего интересуются вероучением и церковной жизнью, у них весьма развито обрядоверие. Для представителей русского православия характерна «повышенная, по сравнению с приверженцами других христианских конфессий, вера в нравственные ценности религии». Отмечалось, что среди мотивов, побуждающих к крещению, много таких, которые «не связаны с религиозностью»¹⁹, а в проповедях священнослужителей возрастает количество светских идей и смыслов²⁰. Подобным взглядом на русское православие обосновывалось пренебрежение собственно богословским содержанием вероучения. В то же время укреплялось осознание того, что православие сохраняет статус важного фактора общественной жизни невзирая на все усилия по его дискредитации. Так, заведующий одной из кафедр Брестского педагогического института с недоумением констатировал, что «трудно объяснить отношение населения к священнослужителям», при котором люди могут с иронией пересказывать

18 См.: ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 3663. Л. 7, 68.

19 ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 3664. Л. 11, 15, 25.

20 ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 3665. Л. 2.

разные нелестные истории о священнослужителе «и тут же договариваются о посещении его в больнице». Не удивительно, что докладчик выражал сомнения в возможности делать какие-либо выводы «о затухании и размывании религиозности»²¹.

Осознание того, что идеология научного атеизма нуждается в серьёзном переосмыслении, всё больше проявлялось среди его теоретиков. Это отражается и в стенограммах IX съезда Всесоюзного общества «Знание», проходившего в мае 1987 г. Многие выступающие высказывали нарекания по отношению к догматизму среди представителей научного атеизма и требовали коренного изменения в подходах к атеистической пропаганде²².

Тот факт, что во второй половине 1980-х годов кардинально изменились условия публичного дискурса о религии, констатировался и на проходившем 27 января 1988 г. заседании антирелигиозной секции при правлении Всесоюзного общества «Знание». Это вынуждало искать пути взаимодействия с религиозным мировоззрением «в столь важных вопросах, как мораль, современная экономика и политические проблемы, необходимость единства в борьбе за лучшее единство мира»²³. Стенограмма отображает наличие существенных расхождений во взглядах на суть и формы атеистической пропаганды между теоретиками и практиками идеологической работы. Члены антирелигиозной секции, как представители теоретиков научного атеизма, высказывали резкую критику в адрес советских функционеров. «Мы обнаружили разительное непонимание руководящих кадров, хозяйственных, советских, партийных, в вопросах религии и атеизма»²⁴, — констатировал один из выступающих. По мнению идеологов-теоретиков, именно «руководящие кадры» на разных уровнях, не желая отвлекать силы на серьёзное погружение в научный атеизм, прикрывали своё пренебрежение теоретической составляющей атеистической работы апелляцией к идее об отмирании религии в социалистическом обществе, которая в таком виде «сыграла очень пагубную, негативную роль». Как итог, «собственно позитивное содержание научного атеизма, его нравственная проблематика у нас, к сожалению, была не на почитаемом месте»²⁵. Обозначенная разница в подходах к научно-атеистической идеологии

21 ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 3664. Л. 31, 29.

22 См.: ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 4025; Там же. Д. 4026.

23 ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 4244. Л. 36.

24 Там же. Л. 4.

25 Там же. Л. 5–7.

теоретиков и практиков была явлением достаточно существенным, хотя и не нарушившим серьёзным образом единство идеологического фронта в период перестройки, когда все же сохранялись формальные рамки единой государственной идеологической системы, в которой работали и те, кто занимался теорией, и те, кто отвечал за воплощение атеистической идеологии на практике. Для идеологов-теоретиков важно было сохранять преданность материалистической парадигме. Взаимодействие с православием было возможно не на условиях равноправного диалога, а лишь с редуцированной от трансцендентного содержания секулярной стороной религиозного мировоззрения. Важно и то, что идеологи-теоретики в рамках гуманистической парадигмы проявляли крайнюю осторожность и недоверие к религиозным институтам. Представители Церкви, таким образом, с точки зрения идеологов-теоретиков, не должны были репрезентовать православие в светском обществе, поскольку их мировоззрение было наполнено «субъективными» и «спорными», с точки зрения материалистической науки, взглядами. Именно научный атеизм под видом «научного мировоззрения» представлялся в качестве «объективной» и равноудаленной от любых субъективностей платформы для репрезентации религии в светском обществе. В рамках гуманистической повестки обновления положительного содержания научного атеизма как универсальной экспертной платформы теоретики научно-атеистического дискурса начали разъяснять православные смыслы с точки зрения «объективных» научных подходов. Фактически же речь шла о формировании секулярного образа православия и вытеснении представителей Церкви из религиозно-ведческого поля. О таком векторе деятельности теоретиков научного атеизма свидетельствуют требования отобрать повестку «общечеловеческих ценностей» у «богоискателей», прозвучавшие в речи одного из докладчиков на упоминаемом заседании антирелигиозной секции общества «Знания»²⁶. Так называемые «богоискатели», по мнению выступающего, как раз и «грешили» слишком явными симпатиями и заигрыванием с Церковью.

В рамках теоретического вектора трансформации научного атеизма в его отношении к православию шло активное изучение и рецепция религиозных смыслов в контексте материалистического мировоззрения. В одной из аналитических записок руководителей ИНА отмечалось:

«Благодаря проведённым Институтом научного атеизма исследованиям удалось преодолеть узкое, упрощённое представление о религии

как социальном и духовном пережитке, отказаться от прямолинейных, порой примитивных, унаследованных от прошлого стереотипов в оценке религии и перспектив ее эволюции в советском обществе»²⁷.

Отделяя нравственно-культурологическую сторону православия от «богословско-мистической», теоретики научного атеизма выступали против того, чтобы признать за церковным сообществом право представлять в публичном дискурсе собственный взгляд на гуманизм. Так, в аналитической записке по поводу церковно-общественных взаимоотношений в Венгрии идеологи ИНА констатировали, что из-за слишком либерального отношения местных коммунистов к Католической Церкви, которой было позволено презентовать свои взгляды в общественном дискурсе, «фактически речь идёт о соревновании между двумя видами гуманизма, подразумеваемыми как нередко дополняющие друг друга»²⁸. Такое положение дел характеризовалось в отрицательном ключе, поскольку вело к идеологической путанице. Для позднесоветских атеистов важно было сохранить монополию на репрезентацию гуманизма в общественном дискурсе. И этот образ гуманизма, прочно увязанный в научно-атеистическом дискурсе с антицерковным духом Просвещения, не предполагал каких-либо уступок церковному взгляду на гуманность.

По-иному видели суть взаимодействия с религиозным мировоззрением идеологи-практики. Для них главным была не идеологическая чистота, а общественная стабильность. На одной из встреч с преподавателями Высшей партийной школы председатель Совета по делам религий К. С. Харчев прямо обозначил задачи партии в сфере религиозной политики:

«По Ленину, партия должна держать под контролем все сферы жизни граждан, а так как верующих никуда не денешь и наша история показала, что религия всерьез и надолго, то искренне верующего для партии легче сделать верующим также и в коммунизм. <...> А ведь 70% верующих — это не шутка. И их никуда не денешь, как-то надо с ними работать и на них воздействовать <...>. Можно сделать вывод, что идет интенсивный процесс проникновения Церкви в государственную политику. И давайте смотреть трезво: по нашей воле или против, но религия входит в социализм, и даже не входит, а въезжает, как по рельсам. И так как власть полностью принадлежит нам, то, я думаю, в наших силах направить эти рельсы в ту или иную сторону в зависимости от наших интересов <...>. Я не за сращивание

27 РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 542. Л. 1.

28 Там же. Д. 436. Л. 4.

Церкви и государства. Сейчас основная задача — это реальный контроль Церкви в политике партии»²⁹.

В этом контексте научный атеизм воспринимался скорее как универсальный язык общения светского общества и верующих. Собственно научно-атеистический дискурс должен был выполнять двойственные задачи. Во-первых, он должен был обеспечить единение приверженцев разных взглядов на общей платформе заботы о благе отечества. В этом смысле Октябрьская революция представлялась как момент восстановления подлинной свободы религиозных институтов. Так, на встрече с членами Священного Синода в апреле 1988 г. М. С. Горбачёв представил советскую власть как своего рода попечителя и благодетеля по отношению к Русской Церкви, заявив, что ленинский Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви открыл перед последней «возможность осуществлять свою деятельность без какого бы то ни было вмешательства извне» и «освободительный дух Великой Октябрьской социалистической революции коснулся и всех религиозных организаций нашего многонационального общества»³⁰.

Во-вторых, научный атеизм в контексте взаимодействия позднесоветской государственно-общественной системы и религии должен был обеспечивать эффективное использование мировоззренческих ресурсов православия при реализации государственных задач. Об этом, в частности, заявлял директор Института научного атеизма В. И. Гараджа. В одной из публикаций он писал, что трансформации научного атеизма, не упраздняя мировоззренческие различия религии и марксизма, призваны задействовать в рамках научно-атеистической идеологии те «слои» религиозного мировоззрения, где «не исключена возможность общих до определенной степени позиций». Функционер подчёркивал, что религиозное осмысление мира как исторический этап, хотя и был противоречивый, «но достаточно плодотворный, ещё и сегодня, может быть, полностью не завершённый, не исчерпанный как способ освоения и выражения достаточно широкими еще массами общечеловеческих ценностей, гуманистических ориентиров»³¹.

29 Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / сост. Г. Штриккер. Москва, 1995. URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/shtrikker_dokumenty.pdf

30 Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской православной церкви // Правда. 30 апреля 1988. № 121 (25473). С. 1.

31 Гараджа В., Кобрин В., Гордиенко Н. Переосмысление: за и против // Наука и религия. 1989. № 8. С. 7.

Заключение

Представленный анализ саморефлексии в рамках научного атеизма второй половины 1980-х годов показывает прежде всего, что последний активно трансформировался в ответ на изменения условий публичного дискурса о религии. Однако эти трансформации имели сложный характер, что соответствовало природе самого научного атеизма — феномена, сочетавшего разнообразные политико-идеологические, научные и мировоззренческие идеи и практики. Можно выделить два вектора трансформации идеологии научного атеизма второй половины 1980-х годов в его отношении к русскому православию. Первый вектор был связан с рефлексией идеологов-теоретиков. Он предполагал активное осмысление и рецепцию православных смыслов, введение их в гуманистический секулярный дискурс как культурологических феноменов. Идеологи-теоретики отказались от идеи отмирания религии, осознавали необходимость более внимательного её изучения. В то же время ими активно оспаривалось право религиозных объединений транслировать конфессионально ориентированные этические стандарты в общественное пространство. Обоснованием этой позиции служило убеждение, что клерикальное присутствие в дискурсе о морали неизбежно подрывает светский характер государства и дестабилизирует систему внеконфессиональных ценностей. По сути, данный вектор трансформации научного атеизма порождал своего рода конкуренцию между гуманитариями-материалистами и представителями Церкви за право использовать гуманистическую повестку. Так закладывалось недоверие светских религиоведов по отношению к Церкви, которое теперь не фокусировалось на оппозиции атеизма и религии, а переводилось в плоскость материалистического гуманизма через концепт «научного мировоззрения». Второй вектор трансформации идеологии научного атеизма в отношении русского православия реализовывался идеологами-практиками, для которых главным было обеспечение общественной стабильности. В этой сфере также не наблюдался отказ от научного атеизма как такового, но он трансформировался в общемировоззренческие рамки взаимодействия с церковным сообществом, позволявшими задействовать культурно-идейный потенциал православного мировоззрения без апелляции к трансцендентному содержанию верования.

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации

- ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 3660. Стенограмма заседания «круглого стола» на тему: «Развитие и совершенствование советской обрядности в развитом социалистическом обществе», Москва, 4–5 апреля 1985 г., т. 1, 4 апреля 1985 г.
- ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 3663. Стенограмма научно-практической конференции «Актуальные вопросы атеистического воспитания в условиях современной идеологической борьбы», Гродно, 30–31 октября 1985 г.
- ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 3664. Стенограмма заседания «круглого стола» по проблемам Русской Православной Церкви, Ярославль, 15–16 декабря 1985 г., т. 1, 15 декабря 1985 г.
- ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 3665. Стенограмма заседания «круглого стола» по проблемам Русской Православной Церкви, Ярославль, 15–16 декабря 1985 г., т. 2, 16 декабря 1985 г.
- ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 4025. Стенограмма 9-го съезда Всесоюзного общества «Знание», Москва, 27–28 мая 1987 г., т. 1, 27 мая 1987 г.
- ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 4026. Стенограмма 9-го съезда Всесоюзного общества «Знание», Москва, 27–28 мая 1987 г., т. 2, 28 мая 1987 г.
- ГАРФ. Ф. 9547. Оп. 1. Д. 4244. Стенограмма заседания антирелигиозной секции при Правлении Всесоюзного общества «Знание», 27 января 1988 г.

Российский государственный архив социально-политической истории

- РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 436.
- РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 542.

Источники

- Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской православной церкви // Правда. 1988. 30 апреля. № 121 (25473). С. 1.
- Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / составитель Г. Штриккер. Москва: ПроPILEI, 1995. [Электронная копия печатного издания]. URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/shtrikker_dokumenty.pdf (дата обращения: 2.9.2025).

Литература

- Гараджа В., Кобрин В., Гордиенко Н. Переосмысление: за и против // Наука и религия. 1989. № 8. С. 5–9.
- Лукьянов А. Л. Трансформация дискуссии об изменении антирелигиозной пропаганды в периодических изданиях (1985–1988 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20. № 3. С. 109–113.
- Смирнов М. Ю. Религия и религиоведение в России. Санкт-Петербург: Изд. Русской христианской гуманитарной академии, 2013.

- Смолкин В. Свято место пусто не бывает. История советского атеизма. Москва: Новое литературное обозрение, 2021.
- Степанова Е. А. Советский атеизм в контексте множественной модерности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 67–82.
- Узланер Д. А. Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 62–69.
- Шахнович М. М., Терюкова Е. А. Научный атеизм: от науки к утопии. Санкт-Петербург: Государственный музей истории религии, 2023.
- Froese P. Forced Secularization in Soviet Russia: Why an Atheistic Monopoly Failed // Journal for the Scientific Study of Religion. 2004. Vol. 43. No. 1. P. 35–50.
- Luehrmann S. Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. New York (N. Y.): Oxford University Press, 2015.
- Pelkmans M. Introduction: Post-Soviet Space and the Unexpected Turns of Religious Life // Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms and Technologies of Faith in the Former Soviet Union / ed. by M. Pelkmans. New York (N. Y.); Oxford: Berghahn Books, 2009. P. 1–16.
- Pospelovsky D. V. A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer. Vol. 3. Soviet Studies on the Church and the Believer's Response to Atheism. Basingstoke: Macmillan Press, 1988.
- Ragaz S. Reading Scientific Atheism Against the Grain: The Soviet Study of Religion as a Methodological Challenge // Method & Theory in the Study of Religion. 2018. Vol. 30. № 2. P. 178–184.